

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

ДОРОГИ ЭМИГРАЦИИ

Вера ЗУБАРЕВА

СТАРАЯ САРА

Тяжелая, больная Сара все время пыталась заплакать. Ей было нелегко вторую ночь сидеть в автобусе с жесткими креслами. Чулки на ее круглых ногах медленно расплывались, и казалось, что Сарины ноги трещат по швам, как у старой ватной куклы. Сходство с куклой усугублялось свалывшимися тусклыми белыми волосами, которые Сара уже два дня не причесывала.

В конце автобуса возились дети, прячась между мягкими чемоданами и тюфяками. Тряска только забавляла их. Они с хохотом подпрыгивали и зарывались с головой в тряпье, брошенное поверх вещей на случай холода. Взрослые не делали им никаких замечаний, поскольку будущее оказалось в полнейшем разрыве с прошлым, и никто не знал, как вести себя в кратком промежутке настоящего.

За автобусом ехала машина с провожающими. Крупницы дома в лице родственников и друзей смотрели сквозь окна автомобиля. Изредка провожавшие махали, поравнявшись с автобусом, и показывали что-то, по-видимому, знаками объясняясь в чувствах. Несколько раз автобус останавливался, и все бросались друг к другу и шли вместе, держась за руки. Дети кубарем скатывались на землю, расталкивали обнявшихся взрослых и мчались наперегонки до дверей туалета.

Сара почти не выходила. Во время передышек она при помощи своего мужа сползала с кресла и подолгу стояла возле него, тяжело дыша и силясь заплакать. Никто не обращал на нее внимания. Только ее муж растерянно пытался чем-нибудь быть полезным ей. Он гладил ее по всклоченной голове, наливал чаю из термоса, оправлял заломившееся внизу платье. Сара, казалось, была бесчувственна ко всем этим проявлениям преданности. Она реагировала только на то, что происходило внутри нее.

Внутри Сары жила большая тяжелая болезнь, которая делала ее чувствительной ко всем внутренним переменам и атрофированной к внешним. Муж ее относился уже к внешнему миру. Его забота не проникала сквозь отмершие нервные окончания обвислой Саринной кожи. Он гладил маленькую, хоть и распухшую, руку жены, а она смотрела куда-то в глубину своей боли. Так подходили к концу вторые сутки.

Ночь надвигалась откуда-то с севера. Все пледы были срочно брошены на детей и окна. Как назло дорога стала крутой и извилистой, будто выход из страны пролегал через заколдованные места. Когда сбоку появлялся месяц, неприятно высвечивались рваные края обрывов, вдоль которых юлил автобус. Месяц от этого зрелища заваливался на спину и хохотал, хохотал над людскими страхами.

Покачивались спящие деревни с худыми собаками, свернувшимися в калачики на люках под тусклыми фонарями. Все серее становилось небо. Злой месяц еще больше запрокинулся на спину и поблелел во сне.

К утру подъехали к границе. Длинная

череда автобусов напоминала журавлиный клин. Шлагбаум поднимался, и следующий автобус навсегда отсекался от тела очереди.

Впереди был еще целый долгий день для прощаний. Холод заставлял двигаться. Все зашевелились, несмотря на ранний час. Дети выскочили первыми из-под пледов и потащили шатающихся помятых родителей к выходу.

На улице было полно отъезжающих. Утренний туман рассеивался и теплела мокрая трава. Вдалеке на пригорке стоял памятник красноармейцу. Его поза и выражение лица должны были насторожить всякого, задумавшего пересечь границу в обратном направлении. Почему-то отъезжающие шли и шли к этому памятнику, как на последний поклон. Оказалось, что между двумя его чугунными ступнями было прекрасное углубление, которое использовалось не по назначению, за неимением поблизости никаких других туалетов.

Сара не двигалась. Ее глаза были полукрты и мутны.

— Сарочка, — то ли позвал, то ли просто произнес ее имя муж и погладил серую руку.

Сара не отреагировала. Постояв немного около нее, муж робко пошел к выходу.

Солнце загоралось на траве и листьях. Расцвели птичьих голоса из попискивающих бутончатых комочков. Земля запестрела подстилками и расставляемой на них едой. Отъезжающие энергично затевали прощальный пикник. Автобусы двигались, но незаметно. Всех обещали пропустить к концу дня. Целый день на лужайке, на свежем воздухе. Если бы не запах от красноармейца, можно было бы побегать по пригорку.

Люди поднимались с подстилок, шли про-верить свой автобус, поскольку издали все автобусы были одинаковыми. Только наш автобус можно было сразу узнать по неподвижной Саринной голове в окне.

Сумерки наступили нескоро, поскольку никто не умел обращаться с этим последним днем. Все уже было сказано, но так как это не имело никакого отношения к будущему, казалось, что не сказано ничего. В конце концов, провожающие стояли, обняв решетки ворот, за которыми всех готовили к последнему досмотру, будто и не было этого целого дня и целого года прощания. Поздно, поздно ночью автобус, наконец, пересек границу Чехословакии.

Первое утро освобождения катило автобус по мягким гладким дорогам. Никто не спал. Молча смотрели на игрушечные домики, аккуратные деревья. Природа, лишённая знакомой буйности, усиливала ощущение нереальности происходящего.

Первая остановка в сосновом бору. Деревянный домик заперт на замок. Кто-то побежал разыскивать хозяев.

— Как же красиво! — восклицал каждый, прыгая с лестничек на траву.

Последней вышла Сара. Ее поддерживали с двух сторон, чтобы она могла спуститься своими занемевшими ногами на землю. Кто-то уже бежал с ключами от домика, сопровождаемый пожилой женщиной в белом фартуке.

— Я хочу домой! — сонно закапризничал Сарин внук.

Все смотрели на приближающуюся женщину. Сара вдруг ожила. То ли оцепенение сошло с ее летаргического тела, то ли внутренняя боль прорвала. Как нарыв, и сделала Сару проницаемой для внешнего мира, но она затряслась всей своей изношенной, вылезавшей из швов плотью, сделала попытку приблизиться на негнущихся ногах к внуку, и запричитала, барахтаясь руками в воздухе.

— Сиротка, бедный! Нет у нас больше дома! Безродные... Бездомные... Цыгане!

— Сарочка, успокойся! — обрадовался Саринному оживлению обреченный было на вечную безответность муж.

Но старая Сара уже опять не реагировала на внешние колебания. Слезы ползли длин-

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Вера Зубарева — поэт, писатель, литературовед, преподаватель Пенсильванского университета, лауреат муниципальной премии имени Паустовского. Родилась в Одессе, живет в США. Автор 14 книг поэзии, прозы и литературной критики. Пишет и публикуется на русском и английском языках. В этом номере мы публикуем два рассказа Веры Зубаревой из цикла «Дороги эмиграции». Я уверен, что эти рассказы — и то, как они написаны, и то, о чем они написаны, — не оставят наших читателей равнодушными. Ждем ваших откликов.

Семён Каминский, newpoza@gmail.com

ными гусеницами и застревали во впадинах ее щек. Внук на минуту затих, с изумлением рассматривая говорящую бабушку. Но тут подросла женщина в фартуке и все дружно отправились совершать свой первый утренний туалет.

БАЗАР В ИТАЛИИ

Русским разрешали легально торговать их эмигрантскими сувенирами. Для этого в Торваянике открыли маленький базарчик на пустыре. Без базарчика это был просто кусок земли, отделяющий центр Торваяники от окраины. Теперь же скучное полотно дороги экзотически украсилось разноцветными шальями, свисающими с самодельных лотков, янтарными бусами, вышитыми полотенцами, расписными деревянными ложками. Не то, чтобы итальянцам все это нужно было позарез. Нет, было в этом базаре то, чего нельзя было увидеть ни в одном итальянском магазине — избыток красавиц из России.

Женщины были центром внимания гуляющих по базарчику итальянцев. Не платок сам по себе имел ценность, а наброшенный углом на прямоугольные плечи высокой брюнетки или блондинки, с зазывающе болтающейся бахромой по низу. Не янтарь был предметом одобрения приценивающегося, а сочетание роскошной молочной шеи с золотисто-коричневым ожерельем, приложенным продавщицей как бы невзначай для демонстрации своего товара.

Все субботы и воскресенья отдавались зрелищу русского базара. Стекались итальянцы из разных пригородов, видимо уже слышанные о «русском чуде» от своих приятелей. Приходил и шеф местной полиции с женой, который и позволил открыть этот базар. Он хлопотал перед римскими властями, чтобы получить разрешение, и каждая женщина за это вознаграждала его сувенирной улыбкой.

Королевой базара была рыжая Машка. Это она приглянула шефу полиции настолько, что он тут же побежал за своей семьей, чтобы познакомиться ее с Машкой. А на следующий день он развернул кампанию по открытию легальной торговли беженцев из России. Машка была коротка в талии, но с высокими бедрами и тонкими ногами. В ней было больше вызова, чем красоты, но тем не менее, благодаря ей, все дело и закрутилось.

Кусочек итальянской земли превратился в Палех. Женщины, осознавшие свою оригинальность, источали ее налево и направо.

— Миля лирэ, синьор! Миля лирэ! Натурале, синьор! Натурале! — разносилось из разных рядов разными по мелодичности голосами.

Солнце превращало разложенные товары в сокровища. Привычные вещи выглядели диковинками на фоне свежеевыкрашенного неба. Базар затягивал душевные раны, вселял уверенность перед неизвестностью. После подчеркнуто отстраненной Австрии, Италия выплескивала на эмигрирующих максимум интереса.

Машка вспыхивала кусками неравномерно рыжих волос. Солнце натягивало их яд и ослепляло каждого, приближавшегося к Машке. Ее короткоукий муж энергично пронесился мимо базара дважды в день — на работу и обратно. Он пристроился мыть посуду в одном кафе. Над ним посмеивались, а Машкина свекровь ходила, поджав губы.

В будни базар не работал. Женщины водили детей к морю, сидели на перевернутых лодках, подставив лица январскому средиземному солнцу. Там они становились обыкновенными, такими, как на своих далеких землях, и голоса их не звенели. Они буднично делились новостями из дома, который еще не перестал быть домом, адресами дешевых магазинов и кулинарными изобретениями.

Только Машка продолжала сверкать ядовитыми волосами и болтать про шефа полиции и то, какая у него роскошная квартира в Риме, и как она шла ночью одна по освещенным римским площадям.

— Он меня просил, чтобы я была осторожна, — смеялась Машка. — Ну чего мне бояться? Был праздник, красиво...

Дети рассматривали выброшенных на берег крабов, валялись в песке и бегали от волн, которые пытались догнать их.

Однажды вечером разразился какой-то невероятный скандал в переулке, где жила Машка. Прибежал Машкин хозяин, махал руками, показывая, чтобы Машкино семейство немедленно убиралось. Машкина свекровь тоже кричала на хозяина, зывала к справедливости, возмущалась мокрыми потолками и ценой на комнату. Потом появился, наконец, шеф полиции и молча, не глядя ни на кого, взял вещи семьи и погрузил их вместе с Машкиным мужем в свою машину.

Машина уехала, а Машкина свекровь продолжала ругаться с хозяином. Только Машка стояла в оранжево-зеленой шали, делающей ее похожей на палехскую матрешку, молча улыбаясь расплывшимся помадными губами.

Через некоторое время машина приехала и за женщинами. Машка скромно уселась сзади все с той же размазанной улыбкой и даже не обернулась на провожавших ее соседей.

Поздно вечером их привезли в какую-то маленькую деревянную хибарку на берегу моря, со щелями между досок.

— Теперь их никто не захочет брать к себе, — говорили между собой женщины. Машкин хозяин был братом жены шефа полиции, а больше этого никто ничего толком не знал.

Машка продолжала выходить на базар, но уже без интереса. Она сидела, согнувшись на своем ящике возле лотка, и женщины напрасно старались разглядеть в ее лице следы раскаяния и стыда. В лице Машки была большая неизбывная скука. Она безразлично поднимала глаза на игривых покупателей, когда те пытались сделать вид, что интересуются ее вещами.

Незаметно для всех она превратилась в обыкновенную средних лет женщину, а потом и вовсе исчезла из города.

Детские учебники
Нины Власовой

РУССКИЙ ЯЗЫК
КАК ИНОСТРАННЫЙ

www.NinaVlasova.com